

ГЛАВА IV. Система взаимности или манифеста. – Идея взаимности выработана массами новейшего времени совершенно самостоятельно. – Определение её

Полная самостоятельность составляет достойную внимания черту народных движений. Следует ли народ внешнему побуждению или наущению, или же собственному вдохновению, сознанию и идее? – этот вопрос заслуживает самого тщательного исследования при изучении революций. Без сомнения, идеи, волновавшие во все времена массы, рождались прежде в голове мыслителей. В деле идей, мыслей, верований, заблуждений массы никогда не были первыми по времени и, разумеется, не будут первыми и в настоящее время. Во всяком умственном деле первенство принадлежит личности; на это указывает самое взаимное отношение понятий первенства и индивидуальности. Но идея, возникнувшая в уме отдельной личности, трудно проникнуть в массы; идеи, способные увлечь массы, редко бывают вполне справедливы и полезны. Поэтому для историка-философа особенно важно узнать, почему народ более склоняется к одним идеям, чем к другим; каким образом обобщает он их; как развивает он их в своих обычаях и учреждениях, которых держится по преданию, пока законодатели и законники не овладеют заключенными в них идеями и не обратят их в статьи законов и в судебские правила.

Идея взаимности, как и идея общинности, также стара, как и само общество. По временам являлись высокие умы, предугадывавшие её органическую силу и важность; но до 1848 года она никогда не приобретала той важности, какую имеет теперь, когда, по-видимому, ей предстоит первая роль. в этом отношении она сильно отстала от идеи коммунизма, которая, блеснув ярким светом в древнем мире и в средние века, благодаря красноречию софистов, фанатизму сектаторов и могуществу монастырей, – в наши времена, казалось, готова была получить новую силу.

Принцип взаимности был впервые выражен с философскою глубиною и в видах реформы в том знаменитом положении, которое повторяли все мудрецы и которое, по примеру их, наши Конституции II и III годов включили в Объявление прав и обязанностей человека и гражданина:

“ «Не делай другим того, чего не желаешь себе;

Делай другим то, чего желаешь от них себе».

Этот, так сказать, обоюдоострый принцип, который всегда уважали и против которого никогда не возражали, начертан, по словам конституции III года, природою во всех сердцах; он предполагает, что человек во первых свободен; во вторых, что он способен к познанию добра и зла; другими словами, что он по самой сущности своей способен к справедливости. Эти две вещи, то есть свобода и справедливость, ставят нас гораздо выше идеи власти, на которую, как мы видели, опирается люксембургская система.

Говоря языком богословов–моралистов, эта великая истина была доселе для народов лишь чем-то в роде совета. Судя по важности, которую она теперь приобретает и потому, как требуют рабочие классы её осуществления, она должна сделаться заповедью, т. е. получить положительно обязательный характер, словом, приобрести силу закона.

Укажем прежде всего на прогресс, совершившийся в этом отношении в рабочих классах. Манифест шестидесяти говорит между прочим:

“ «Всеобщая подача голосов была признанием нашего политического совершеннолетия; но нам еще остается достичь социальной независимости. Свобода, которую так энергически завоевало себе третье сословие, должна распространиться на всех граждан. Равноправность политическая необходимо предполагает равноправность социальную».

Другими словами это значит: «без социального равенства нет равенства политического, и всеобщая подача голосов бессмыслица». Это доказывается не силлогизмом, а уравнением: политическое равенство = социальному равенству. Основной принцип этой новой формулы очевидно свобода личности.

«Буржуазия, достигшая раньше нас независимости, поглотила в 89 г. дворянство и уничтожила несправедливые привилегии. Нам предстоит не уничтожить права, которыми справедливо пользуются средние классы, а завоевать себе одинакую с ними свободу действия».

И далее:

“ «Мы не мечтаем об аграрных законах, о химерическом равенстве, которое укладывает всех и каждого на прокустово ложе; о дележе, maximum'e, усиленном налоге и проч. Прочь эти обвинения! Пора прекратить эти клеветы, распространяемые нашими врагами и повторяемые невеждами. – Свобода, кредит, солидарность – вот наши мечты».

Он заключает так: «в тот день, когда эти мечты осуществляются, не будет более ни буржуа, ни пролетариев, ни хозяев, ни рабочих».

Все это несколько двусмысленно. В 1789 году у дворян не конфисковали имущества; позднейшие конфискации были делом войны. В 89 г. ограничивались отменю некоторых преимуществ, несовместных с правом и свободой, которые дворянство несправедливо присвоило себе. Эта отмена повлекла за собою уничтожение дворянства, как особого сословия, его поглощение массою общества. Пролетариат, правда, также не требует, чтобы буржуазию лишали приобретенных ею имущества и всех её прав, которыми она пользуется справедливо. Но под юридическими и законными именами свободы, труда, кредита и солидарности он хочет провести некоторые реформы, результатом которых будет, без сомнения, уничтожение прав, привилегий, словом, всего, что составляет исключительную принадлежность буржуазии. Таким образом, теперь стремятся к тому, чтобы не было ни буржуазии, ни пролетариата, то есть, чтобы буржуазия была поглощена в массе общества.

В новую революцию пролетариат точно также поступит с буржуазией, как поступила она с дворянством в революцию 89 г. Как революция 1789 г. была вполне так точно справедлива будет и новая революция, которая примет за образец свою старшую сестру.

Далее манифест развивает свою мысль с возрастающею энергиею.

“ «Мы не имеем представителей, мы, которые не хотим верить, что нищета – божественное учреждение. Милосердие вполне доказало и само признало свою несостоятельность быть основанием социального устройства. В эпоху народного самодержавия, всеобщей подачи голосов, оно может быть частной добродетелью... и только. Мы не хотим быть ни клиентами, ни опекуемыми; мы хотим быть равными. Мы отвергаем благодеяние и требуем только справедливости».

Смысл этого ясен: мы хотим того же, что получили вы, буржуа, наши старшие братья.

«Наученные опытом, мы чужды ненависти к людям. Мы хотим изменить самый порядок».

Таково заявление, предпосланное представителям, против которых восстала мнимодемократическая оппозиция.

Таким образом авторы манифеста чужды старой коммунистической и буржуазной рутины. Они не хотят ни привилегий, ни исключительных прав; они покинули фантазию абсолютного равенства, которое укладывает человека на прокустово ложе; они стоят за свободу труда, осужденную Люксембургом в вопросе об урочном труде; они признают конкуренцию, также осужденную люксембургской системой, как грабеж; они провозглашают солидарность и ответственность; им не нужно покровительства, не нужно иерархий. Они хотят равенства достоинства, неустанного деятеля экономического и социального уравнения; они отвергают милостыню и все благотворительные учреждения и взамен их требуют справедливости.

Большинство их члены общества взаимного кредита, взаимного вспоможения, которых, по их словам, тайно существует в столице тридцать пять; распорядители промышленных обществ, откуда коммунизм изгнан и заменен принципами взаимности и соучастия, признанными законом.

Далее, эти рабочие требуют рабочих и хозяйских камер, которые взаимно пополняли, контролировали и уравнивали бы друг друга; исполнительных синдикатов и присяжных экспертов, словом, полного преобразования промышленности под ведением всех участвующих в ней[11].

Во всем этом, говорят они, мы основываемся на всеобщей подаче голосов. Одним из первых и важнейших результатов её должно быть, по их мнению, восстановление естественных рабочих групп, то есть рабочих корпораций. Слово корпорация возбудило особенно сильное негодование; но мы пугаться его не будем. По примеру рабочих, мы будем рассматривать сущность, а не слова.

Все это достаточно доказывает, что рабочие классы проникнулись идеей взаимности и сделали из неё совершенно новые и самостоятельные выводы; что они усвоили ее, глубоко поняли ее и вводят в жизнь далеко не наобум; словом, это доказывает, что она стала их исповеданием, их новым верованием. В движении этом нельзя сомневаться, хотя оно еще очень слабо; ему предстоит поглотить уже не слабую горсть дворянства в несколько сот тысяч душ, а громадную буржуазию, считающую в рядах своих миллионы людей. Ему суждено совершенно возродить все общество.

Рассмотрим теперь самую идею.

Французское слово *mutuel*, *mutuation*, *mutualité*, синоним *récip roque*, *réciprocité*, взаимный, взаимность, происходит от латинского *mutuum*, что значит ссуда (потребляемого продукта), а в более широком смысле – обмен. Известно, что при ссуде на потребление ссужаемый предмет потребляется заемщиком, который потом возвращает уже не тот самый предмет, а другой, равный ему и, одинаков или неодинаков, но во всяком случае равноценный. Предположите, что заимодавец в свою очередь становится заемщиком: здесь будет, следовательно, взаимный заем или обмен: такова логическая связь, заставившая дать одно и тоже имя двум разным операциям. Посмотрим же, каким образом эта идея взаимности

обмена, справедливости, заменив идею власти, общинности или милосердия, привела в политике и политической экономии к системе отношений, совершенно противоположной нынешнему общественному порядку.

Во первых спросим, под каким именем и вследствие какого влияния идея взаимности впервые овладела умами?

Мы уже видели, как понимает Люксембургская школа отношения человека и гражданина к обществу и государству: по её мнению, это отношение состоит в подчинении. Отсюда организация, основанная на власти и общинности.

Против этого восстают поборники личной свободы, по мнению которых общество должно рассматривать не как иерархию должностей и способностей, а как систему равновесия свободных сил, где всем гарантированы одинаковые права, с условием нести одинаковые обязанности; равные выгоды за равные услуги. Следовательно, эта система существенно основана на равенстве и свободе; она исключает всякое пристрастие к богатству, рангам и классам.

По мнению защитников личной свободы, человеческая природа есть высшее выражение, чтобы не сказать – воплощение всемирной справедливости; поэтому право человека и гражданина непосредственно вытекает из достоинства его природы, как позже благосостояние его прямо вытекает из его личного труда и хорошего употребления своих способностей; умственное же развитие его – из свободного упражнения своих дарований и качеств. Следовательно, государство есть ничто иное, как результат свободного союза людей равных, независимых и правосудных; оно представляет таким образом только сгруппированные вольности и интересы; всякое разногласие между властью и тем или другим гражданином есть в сущности гражданская распря. И так, в обществе нет другой прерогативы кроме свободы, иной верховной власти, кроме права. Авторитет и милосердие отжили свой век, говорят они; вместо их нам нужна теперь справедливость.

Исходя из этих начал, диаметрально противоположных основаниям люксембургской школы, они хотят порядка, основанного на самом широком развитии принципа взаимности. Услуга за услугу, говорят они, прибыль за прибыль, ссуда за ссуду, обеспечение за обеспечение, кредит за кредит, порука за поруку, гарантия за гарантию: таков закон. Это древнее возмездие: око за око; зуб за зуб, жизнь за жизнь, перенесенное из уголовного права и жестокого обычая вендетты в область экономического права, в отношения труда и свободного братства. Отсюда вытекают все учреждения, основанные на взаимности: взаимные страхования, взаимный кредит, взаимное вспоможение, взаимное обучение; обоюдные гарантии сбыта, обмена, труда, доброкачественности, верной оценки товаров и проч. Вот к чему стремится система взаимности, желая с помощью известных учреждений возвести свое начало в государственный принцип, закон, скажу больше – в государственную религию, тем более, что путь к этому для граждан также легок, как и выгоден; что он, не требует ни полиции, ни наказаний, ни гнета и ни в каком случае не может никого обмануть или раззорить.

Здесь рабочий перестает быть рабом государства, поглащаемым коммунистическим океаном; он человек свободный, настоящий властелин, действующий по собственной инициативе и под своей личной ответственностью: он уверен, что получит за свои произведения и услуги настоящую цену, достаточно вознаграждающую его, и встретит в своих согражданах относительно всех предметов своего потребления полную справедливость и гарантии. Точно также государство, правительство, перестает быть властелином; власть здесь не противоречит свободе; она служит здесь к определению свободы, только с другой точки зрения: власть, правительство, государство и проч. являются здесь формулами, заимствованными из старинного языка для обозначения в известных случаях суммы, единства, тождественности и солидарности частных интересов.

Следовательно, здесь уже немыслимы вопросы, как в буржуазной системе или системе люксембургской – должны ли государство, правительство или община господствовать над личностью или быть подчинены ей; должен ли правитель стоять выше гражданина или гражданин выше правителя; угнетает ли власть свободу или служит ей: все эти вопросы – чистейшая бессмыслица. Правительство, власть, государство, община и корпорации, классы, товарищества, города, семейства, граждане, – словом, группы и индивидуумы, нравственные и реальные личности, – все равны перед законом, и только один закон властвует, судит и управляет: *Des potês ho nomos*.

Взаимность предполагает раздел земли, разграничение собственности, независимость труда, отделение друг от друга различных видов промышленности, специализацию отправлений, личную и коллективную ответственность, смотря по тому, каков труд, личный ли, или коллективный; она предполагает приведение общих расходов к минимуму, истребление дармоедства, уничтожение нищеты. Община, иерархия, нераздельность, централизация предполагают напротив умножение ведомств и органов власти, подчинение частной воли, потерю сил, развитие непроизводительных занятий, бесконечное увеличение общих расходов, следовательно, развитие тунеядства и нищеты.

Версия #5

Зверобой создал 17 марта 2025 05:27:47

Зверобой обновил 11 июня 2025 15:57:40